(cc) BY

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
Тюнтеров Олег Сергеевич
аспирант, преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-169753

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ В «MEMORY STUDIES»: ПАМЯТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНАЯ ИЛИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ?

Аннотация: *в статье проанализирован опыт развития историографии «memory studies», выделены этапы и подходы «мемориального поворота» в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. Рассмотрены семантические поля трактовок понятий «культурная память», «историческая память» и «культурно-историческая память». Сделан вывод о достаточно близком значении и интерференции этих и смежных с ними концептов в работах ученых. Проанализированы дальнейшие возможности для сравнения и оценки терминологического базиса мемориальной парадигмы в конкретно-исторических исследованиях.*

Ключевые слова: *историческая память, культурная память, культурно-историческая память, memory studies.*

«Мемориальный поворот» в отечественной науке привёл к многочисленным дискуссиям о роли памяти в гуманитарных науках и о различных понятиях, связанных с этой проблемой. Сложилось обширное междисциплинарное поле, обозначенное как «memory studies», которое включает в себя исследования историков, культурологов, филологов, социальных психологов, искусствоведов и пред-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ставителей других гуманитарных наук. В силу своей обширности и междисциплинарности данное научное направление, к сожалению, ещё не получило в отечественной науке общепринятого русскоязычного термина. Встречаются определения «меморативистика», «мнемоника», «меморавистика», «мемориальная наука» и т. д. Многозначными являются и основные концепты «memory studies». В разных исследованиях встречаются понятия: cultural memory (культурная память), social memory (социальная память), collective memory (коллективная память), historical memory (историческая память) и их сочетания. Попробуем проследить историю становления «memory studies».

Родоначальником концепции принято считать представителя французской социологической школы М. Хальбвакса (1877–1945), который в своё время дал определение коллективной памяти, обратился к раскрытию её социальной природы, указал на границы (рамки) памяти как общественного явления [22].

Можно выделить три этапа в становлении нового направления. Первый этап «memory studies» (начало XX – 1945 г.) – введение в социологию категории «памяти» М. Хальбваксом и идей о социальной природе памяти, выделивших память из наук о физиологии. Следующий этап (вторая половина XX века) – время «памяти-государства» (осмысления роли государства в созидании коллективной памяти), идей национальной памяти. При этом работа П. Нора «Франция-Память» (1980-е гг.) придала ключевое внимание именно механизмам сохранения, превратив «места памяти» в основное понятие мемориальных процессов [12]. В недрах второй волны вызревают первые симптомы транснациональных дискурсов прошлого. Третий этап (начало XXI века – этап «космополитической», транснациональной памяти при решающей роли мультимедийных, цифровых технологий [24, с. 50]. Последнее подтверждает ряд публикации, останавливающихся на роли цифровых технологий в создании и, в то же время, искажениях (переформатированиях) памяти. Приведённые этапы весьма условно отражают динамику складывания за рубежом «memory studies». При этом каждый новый этап вовсе не означал исчезновения предшествующих концепций.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

В послевоенные десятилетия, особенно с 1980-х гг., на фундаменте идей Дюркгейма и Хальбвакса, а также представителей школы «Анналов» наблюдалось осмысление памяти как культурного и исторического феномена, появились термины «культурная память», «историческая память», «коммеморация», велись дискуссии об их соотношении. При этом А. Ассман и Я. Ассман ввели понятие культурной памяти как совокупности представлений о прошлом, которое передаётся через вневременные структуры литературу, искусство, архитектуру, образовательные практики, ритуалы и церемониальное общение [2; 3]. Волны деколонизации, появления новых идентичностей во второй половине XX – первой четверти XXI вв. провоцировали «мемуарный бум», в рамках которого зарубежными учёными стала выделяться роль символов, «мест памяти», вырабатывалась база перехода от изучения национальной памяти в сторону транснациональных тематик (темы войны, Холокоста и т. д.). На почве постимперских, постколониальных, посттравматических проблем теорией «memory studies» был начат непрерывно идущий диалог с такими важными для неё концептами, как «травма памяти», «забвение памяти», «соперничающие нарративы», «избирательная коммеморация», говорилось о конфликтности официальной и народной коммемораций, ставился вопрос о влиянии исторической политики на трансформацию «мемориальных культур» [2; 17; 27; 28].

Отмеченные процессы сопровождались обнаружением всё новых граней мемуаристики. Э. Хобсбаум предложил идею «изобретенных традиций» (1983 г.) для раскрытия спекулятивной природы некоторых из них [23]. Д. Лоуэнталь подчеркнул парадоксы сохранения памяти, неизбежность её искажений, пути проникновения в прошлое через память, научный анализ и материальные останки (реликвии), ввёл разграничение между понятием «наследие», приручаемым к настоящему, и «беспристрастной» историей [10]. Уникален подход М. Хирш, на выделение «постпамяти» (термин введён в 1992 г.) или вторичной памяти младших поколений, унаследовавших под воздействием катализатора «настроенности» (кинематографа, искусства, идеологии, нарративов семьи) память о событиях и образах прошлого [25]. Работа П. Рикёра «Память, история, забвение»

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(2000 г.) исследует герменевтический круг памяти, процессы производства, переосмысления прошлого, в контексте которых центральное место занимает идея учёного о «справедливой памяти», открытой переформатированию границ для исторической репрезентации, позитивного и отрицательного забвения [17]. Ярким примером анализа практик верификации знания о прошлом является труд А. Мегилла «Историческая эпистемология» (2007 г.), пример научного понимания этапов развития знания о прошлом с учётом разных концепций и дисциплин историописания [11]. Сегодня, в условиях растущей медиатизации, сфера «memory studies» характеризуется активным вниманием зарубежных авторов к цифровым технологиям.

В нашей стране, интерес к данному направлению проявился в 1980-е гг. Статья Ю. В. Лотмана «Память в культурологическом освещении» (впервые опубликована в 1985 г.) и его работы по семиотике культуры дали старт этим новым изысканиям [9]. Несмотря на сравнительно позднее обращение к мемориальным концептам, отечественная гуманитаристика не только сумела за небольшой промежуток времени проанализировать основные труды представителей этого направления, но и предложить собственные уникальные подходы и решения.

Применительно к российской историографии memory studies можно говорить о двух её этапах: 1) 1990-е-2010-е гг. – формирование фундамента; 2) с 2010-х гг. по настоящее время – прикладная реализация теории и выход её на более широкий междисциплинарный уровень научного осмысления.

Представителями первого этапа memory studies в российской науке (1990–2000-е гг.) – Л. П. Репиной, О. Б. Леонтьевой, И. Н. Гориным и др. рассматривались вопросы соотношения исторического сознания и памяти [5; 8; 15; 16]. В отечественной традиции эти ученые одними из первых подошли к проблемам дефиниций культурной / коллективной / социальной, исторической памяти, структурам и классификациям памяти, связям её с ментальностью, реликвиями, символами.

Достигнутый на первом этапе российской наукой опыт стимулировал дальнейшие шаги по конкретизации освоенных подходов и методик при решении

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

частных научных задач. Второй этап российской историографии memory studies (с 2010-х гг. по настоящее время) показывает наглядные тому примеры в виде диссертационных исследований Н. А. Антипина, О. О. Дмитриевой, Н. О. Самылкина и др. [1; 6; 18]. Обилие работ, связанных с коммеморацией и памятью на втором этапе, существенно подняло важность появления в российских социально-гуманитарных науках трудов специального обзорного, историографического плана. Среди таких исследований примечательна монография А. В. Святославского, в которой анализируются проблемы отечественной меморативистики, сопоставлен зарубежный и российский опыт, представлены интенции памяти на конкретных примерах мемориальной культуры [19].

Однако в отечественной историографии ситуация привела к широкому семантическому разбросу в исследованиях, когда понятия стали взаимозаменять друг друга без надлежащей проверки [4]. При этом можно отметить определенную интерференцию и наложение близких друг к другу терминов. Исследователь Н. У. Ярычёв предлагает решить терминологическую путаницу через применение выделяемого им термина «мемориальная культура» [26]. Но правомернее, всё же, считать, что концепт «мемориальная культура» находится в семантическом поле более объёмного понятия, такого как «культурно-историческая память», собственно, являясь одним из его инструментов. Определённым подходом к сближению исторической памяти с памятью культурной можно считать монографию О. Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.», в которой предложено изучение концепта «образов прошлого» для понимания процессов превращения реальных исторических фактов в художественные произведения [8]. Свидетельством актуальности обращения к данной проблематике можно считать международную научно-практическую конференцию «Культурно-историческая память как объект изучения гуманитарных наук», проходившую в Екатеринбурге 14–15 ноября 2025 г. В ходе конференции обсуждалось понимание культурно-исторической памяти как системы представлений общества о прошлом, закрепленной в памятниках культуры и социальной традиции [13].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Таким образом, по мнению Л. П. Репиной, историческая память – это определённая структура организации исторического опыта, с присущей ей динамикой реконструирования прошлого [15; 16]. Культурная память, по мнению Т. Э. Рагозиной, выступает философским понятием, выражающим рефлексию социокультурного организма по сохранению себя во всех модификациях [14, с. 14]. Есть зарубежные исследования, пытающиеся сблизить эти концепты, например, статья зарубежных исследователей Е. Понятовска и С. Перес («Память и идентичность: некоторые историко-культурные заметки») [29]. Однако единой формы в дефинициях зарубежная мысль так и не выработала, но, как и российская наука, заинтересована в решении этого вопроса. Ярким примером следует назвать концепцию «габитуса культурно-исторической памяти». По мнению К. В. Филенко, этот габитус выступает механизмом адаптации памяти к новым реалиям через социальные, политические, культурные и исторические факторы, взаимодействующие между собой в процессе выработки представлений людей о своём прошлом и настоящем [20, с. 6].

Наиболее удачное осмысление концепта «культурно-исторической памяти» представил коллектив авторов (В. В. Николина, А. А. Лощилова, С. В. Фролова, С. И. Аксёнов) предложивших следующий вывод: «культурно-историческая память предполагает коллективную сопричастность общества к истории и судьбе своего народа и государства, единство ощущения исторической эмпатии; процесс сохранения в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого (коммеморации) и в то же время пересмотр и переосмысление способов сохранения обществом исторических событий, переоценку исторических событий и роли личности в них» [21].

На наш взгляд, семантические поля терминов «историческая память», «культурная память», «культурно-историческая память» различаются, но достаточно близки к друг другу и их положение приводит к появлению интерференции понятий, новых сопоставлений и обобщений и новых граней меморативистики в зависимости от решения той или иной проблемы.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Так, в наших конкретных исследованиях об увековечивании памяти чувашского просветителя И. Я. Яковлева логичнее говорить о культурно-исторической памяти Память об И. Я. Яковлеве в современной России (с памятниками патриарху, учебными заведениями, музеями, продолжающими его дело, живыми субъектами, ассоциирующими себя с продолжателями яковлевских традиций) демонстрирует признаки коллективной исторической эмпатии российского общества к образам и символам, связанными с выдающимся чувашским педагогом [7]. И, как указано в определении культурно-исторической памяти, они подвержены как процессам сохранения, так и пересмотру, переосмыслению в пользу иных форм, способов, что наблюдалось неоднократно. Говорит в пользу культурно-исторического осмысления И. Я. Яковлева масштаб оставленного им наследия, продолжающиеся традиции обращения к нему. Исследователи отмечают многомерную природу указанного ими феномена, его наличие как непременное условие общественного порядка, трансляции культуры, единства прошлого-настоящего-будущего.

Список литературы

1. Антипин, Н. А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. А. Антипин. – Челябинск, 2013. – 248 с.

2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

3. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

4. Бегунова, Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике / Е. А. Бегунова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 55–60.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

5. Горин, И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Менщиков // Историко-педагогические чтения. – 2007. – № 11. – С. 74–78.

6. Дмитриева, О. О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века) : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. О. Дмитриева. – Чебоксары, 2019. – 226 с.

7. Иванова, Т. Н. Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев в исторической памяти российского обществ / Т. Н. Иванова, О. С. Тюнтеров // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2026. – Т. 168, № 3. – С. 51–65.

8. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв / О. Б. Леонтьева. – Самара : Книга, 2011. – 448 с.

9. Лотман, Ю. М. Избранные статьи в трех томах / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра. – 1992. – 479 с.

10. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Владимир Даль : Русский Остров, 2004. – 624 с.

11. Мегилл, А. Историческая эпистемология : монография / А. Мегилл. – Москва : Канон+, 2007. – 478 с.

12. Нора, П. Франция-память / П. Нора ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 1999. – 328 с.

13. 14–15 ноября 2025 г., г. Екатеринбург Международная научно-практическая конференция (XX Колосницынские чтения): «Культурно-историческая память как объект изучения гуманитарных наук» // Пост группы «Российское культурологическое общество» во «Вконтакте». – URL: https://vk.ru/wall-220097443_2230?ysclid=ms7jntly1m179479764 (дата обращения: 03.10.2026). – Текст : электронный.

14. Рагозина, Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 3 (15). – С. 12–21.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

15. Репина, Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 9–15.

16. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания / Л. П. Репина. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 43 с.

17. Рикер, П. Память. История. Забвение / П. Рикер. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

18. Самылкин, Н. О. В. И. Чапаев в исторической памяти российского общества: формирование и развитие коммеморативных практик о герое Гражданской войны (1919–2024 гг.) : дис.... канд. ист. наук : 5.6.1 / Н. О. Самылкин. – Чебоксары, 2026. – 253 с.

19. Святославский, А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – Москва : Древлехранилище, 2013. – 592 с.

20. Филенко, К. В. Понятие культурно-исторической памяти в междисциплинарном дискурсе / К. В. Филенко // Актуальная культура. – 2024. – № 4. – С. 1–12.

21. Формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодёжи России на территориях новых субъектов Российской Федерации: подходы, принципы и направления реализации / В. В. Николина, А. А. Лощилова, С. В. Фролова, С. И. Аксенов // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 4 (45).

22. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст.: С. Зенкин. – Москва : Новое издательство. – 2007. – 348 с.

23. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

24. Цымбал, А. Г. Коммеморативные практики в эпоху цифровизации: влияние технологий на историческую память / А. Г. Цымбал // Вестник Самарского государственного технического университета Серия «Философия». – 2025. – Т. 7, № 1. – С. 49–58.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

25. Что такое постпамять / пер. статьи М. Хирш // ПРБОО «Центр исторической памяти». – URL: http://pmem.ru/index.php?id=7364&ysclid=mnbnncang15005013 (дата обращения: 03.10.2026). – Текст : электронный.

26. Ярычёв, Н. У. Мемориальная культура как актуальный исследовательский тренд / Н. У. Ярычёв // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 2 (74). – С. 33–40.

27. Ballinger, P. The Culture of Survivors: Post-Traumatic Stress Disorder and Traumatic Memory / P. Ballinger // History and Memory. – 1998. – Vol. 10, No. 1. – P. 99–132.

28. Marschall, S. Collective Memory and Cultural Difference: Official vs. Vernacular Forms of Commemorating the Past / S. Marschall // Safundi. – 2013. – Vol. 14, No. 1. – P. 77–92.

29. Poniatowska, E. Memory and Identity: Some Historical-Cultural Notes / E. Poniatowska, C. Pérez // Latin American Perspectives. – 1992. – Vol. 19, No. 3. – P. 67–88.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)